

РОМАН №19 ГАЗЕТА

Мурад Ибрагимбеков / Мадагаскар

Мурад Ибрагимбеков

Родился в 1965 году в городе Баку.

Режиссёр-постановщик и сценарист фильмов: «Вальс золотых тельцов», «Мужчина для молодой женщины», «Истинные происшествия», «Замыслил я побег», «Три девушки», «И не было лучше брата», «Человек. Трилогия».

Призёр международных кинофестивалей.

Обладатель Серебряного льва Венецианского фестиваля.

Лауреат кинопремии «Ника».

Публиковался в журналах «Литературный Азербайджан», «Литературная газета», «Дружба народов».

Автор сборника новелл «Отъезд антрополога».

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2020 № 19 /1864/ Основана в 1927 г.

Мурад Ибрагимбеков

Мадагаскар

(«Г... подарил нам страну»)

Кинематографический роман

«Кинематограф. Три скамейки. Сентиментальная горячка».

О. Мандельштам

История Штефана Шустера, кинематографиста, человека, и его последнего фильма в воспоминаниях, в фото и кинодокументах, свидетельствах очевидцев, музыкальных клипах, рекламных роликах и прочих дошедших до наших дней материалах, так или иначе имеющих отношение к произошедшему, как при его жизни, так и после.

С комментариями и уточнениями главного героя, на достоверность которых можно полагаться даже в том случае, если некоторые из приведённых фактов не вполне соответствуют общепринятой исторической реальности, потому что не каждая правда — истина и не каждая истина — достоверна.

Воспоминания кого-то из умерших сохраняются еще непродолжительное время и после его смерти. Лишённые необходимого для их сбережения и существования мозгового вещества, еще недавно исправно снабжаемого по кровотокам питательными и бодрящими субстанциями, эти воспоминания струятся по сделавшимся вдруг нематериальными тропинкам памяти. Эпизоды прошлого еще сменяют друг друга, всё более ускоряясь, в стремлении победить в безнадежной гонке с небытием до тех пор, пока не исчезнут вовсе. Усопшему не всегда удаётся отличить настоящее от прошлого — с хронологией у него дела обстоят не ахти как.

Спасибо и на том, что после утраты родного, привычного тела мне вообще удалось что-то запомнить.

Возможно, всё дело в профессии, долгие годы я работал кинорежиссёром, а зрительные образы — основа моего ремесла. Удивительная профессия, пожалуй, самая удивительная из всех известных. При удачном стечении обстоятельств режиссёр может создать новый, вполне себе реальный, не существовавший до него мир.

Бог тоже создаёт миры: разумеется, у него они более материальны и устойчивы, а творение кинорежиссёра хранится на киноплёнке и возникает лишь, когда через неё пропускают свет.

Есть ещё один факт, делающий сравнение режиссёра с Богом вовсе не абсурдным и притянутым за уши, а вполне законным и обоснованным.

Думаю, что после всего произошедшего Бог мог бы и извиниться, но от него этого вряд ли дождёшься.

Спустя много лет после моей смерти возле дома, где я жил в Берлине на Ноллендорфплатц, установят памятную металлическую пластину размером 10 на 10 сантиметров. Она вмонтирована в тротуар возле подъезда. «Штефан Шустер — кинорежиссёр, 1895—1940 гг.» — выгравировано на ней. Строго говоря, 1940 год не является годом моей смерти, он лишь указывает, когда меня окончательно выселили из моей квартиры у фрау Густавы. Это касается большинства людей, в память о которых устанавливают подобные памятные указатели. Из-за неразберихи с архивами и массовости жертв установить точную дату моей смерти было весьма затруднительно. Впрочем, для меня теперь это не так уж и важно.

(Кстати, если вас это заинтересует, в Интернете можно ознакомиться с общественной инициативой установки по всей стране упомянутых памятных знаков с именем и фамилией незаконно репрессированного гражданина. Эта программа была запущена в начале 2000-х годов.)

В тот день я лежал на зеленой траве огромного луга и смотрел на небо с удовольствием и отдохновением. По голубому небу плыли облака, их очертания причудливо менялись в потоке воздушных масс. Стоял тёплый весенний день третьего года Второй мировой войны. Хотя в то время еще не было принято присваивать номера мировым войнам — это вошло в обычай позднее.

Это был день начала строительства декораций моей будущей фильма. Через какое-то время по замыслу режиссёра, моему замыслу, здесь, в пустом поле возникнут декорации города, а поселившиеся в нём персонажи заживут своей жизнью. На натурной площадке настояло руководство проекта, я бы предпочёл павильон одной из знакомых мне берлинских студий. Съёмки в павильоне более рентабельны с производственной точки зрения, позволяют увеличить дневную выработку и уменьшить расходы. К сожалению, с принятием новых законов появляться на студии мне было запрещено.

Впрочем, нельзя не признать, что павильон лишён воздуха, а для моей фильма воздух, атмосфера, где происходит действие, чрезвычайно важны. Натура же позволит сделать её по-настоящему реалистичной, придаст ей достоверность и правдоподобие. Я не был скован в выборе места съёмок для своей будущей картины, хотя законодательские нововведения и ограничивали мои перемещения по стране.

Конечно, вышеупомянутые законы и правила, которые приходилось соблюдать гражданам, не вполне разумны и справедливы, в этом нет никаких сомне-

ний, хотя в правительстве было много вполне здравомыслящих и приличных людей, понимающих это не хуже меня. Бюрократические запреты, конечно, можно обойти, имея нужные связи и заинтересованность начальства в том, что ты делаешь. А заинтересованность во мне у руководства была. Говорю это вовсе не из тщеславия, просто констатирую факт. Администрация любезно пошла мне навстречу и выправила документы для свободного передвижения по стране.

Я долго искал подходящее место для съёмок, пока не остановился именно на этой территории. Места были живописные — невысокие холмы с растущими на их склонах одинокими деревьями придавали им особое очарование. Не случайно, что здесь много лет жили и работали замечательные живописцы, воспевающие сельскую идиллию, такие как Карл Шпицвет, Макс Либерман и Людвиг Диль.

Об этих местах мне подолгу рассказывала фрау Густава, в молодости она часто приезжала сюда со своим покойным мужем, известным живописцем. По слухам, сюда на пленер навещался и сам Гитлер, хотя точно этого никто не знает, жизнь великих часто обрастает слухами и легендами. Но ему, Гитлеру, здесь бы точно понравилось.

Помимо природных красот для успешного кинопроизводства важна масса других факторов. К примеру, где селить съёмочный персонал и специалистов, как будут размещены актёры, далеко ли лаборатория для обработки плёнки и цех киносъёмочной техники, в каком состоянии дороги и коммуникации. Всё это влияет на производственный график и календарно-постановочный план.

Сроки создания ленты были изначально поставлены очень жёсткие, и нарушить их я был не в праве. По не зависящим от меня обстоятельствам я какое-то время находился в творческом простое и теперь должен был ни в коем случае не подкачать с этой неожиданной представившейся мне возможностью. Сейчас, когда все формальности утряслись, нельзя не признать, что всё сложилось к лучшему.

Здесь, в живописных окрестностях города Дахау, имелись все условия для комфортных съёмок. Несколько приличных гостиниц и пансионатов, замечательные дороги, существовала даже взлётная полоса для самолётов, которую я собирался использовать для съёмок финала картины. А неподалёку совсем недавно было организовано промышленное предприятие под одноимённым названием «Дахау». Оттуда и решено было брать строителей для возведения декораций моей новой многосерийной фильма «Он подарил евреям город».

Колонна грузовиков, сопровождаемая легковым автомобилем, въехала на поле и остановилась, обра-

зую в отдалении аккуратную линию. Из легкой машины вылез человек, чей светлый героический образ по многочисленным плакатам и кинолентам последних лет был известен миллионам людей, и направился к Штефану. Это был его давний знакомый по кинематографу Ганс Шметерлинг. В прибывшем человеке всё было прекрасно — и атлетическая фигура олимпийца, и волевые черты лица эллинского героя, и с иголочки сшитая форма офицера СС, сидевшая на нём как влитая. Оживший образ нации не мог не вызывать восхищения. Блондин, голубые глаза — без всякого намека на использование краски для волос, контактных линз и каких бы то ни было на тот исторический период времени пластических операций и иных рукотворных вмешательств.

— Мадагаскар! — радостно воскликнул прибывший вместо приветствия и широким жестом обвёл поле.

— Наконец-то ты запомнил текст! — позволил себе пошутить Штефан, хотя уже давно дал себе слово не допускать излишних вольностей с представителями властей.

Шметерлинг тактично сделал вид, что не обратил внимания на несколько неуместную, понятную им двоим остроту, и величественно бросил Штефану пачку молотого кофе, которую тот ловко поймал на лету. Хороший кофе найти сейчас было непросто, да и не очень хороший тоже был в дефиците, но Шметерлинг исправно снабжал Штефана этим продуктом. То была некая благодарность за события недавнего прошлого, снисходительное проявление товарищеского участия и внимания к коллеге.

А ведь совсем ещё недавно, в недалёкое, с биологической точки зрения, отведённое человеку время, подумалось Штефану, этот писанный красавец, сгибаясь от заразительного хохота, тёрся башкой о моё колено, в восторге от моих же искромётных острот и не всегда пристойных шуток. Как он всячески старался услужить мне деликатными одолжениями, о которых его и просить не надо было.

К примеру, кто лучше Шметерлинга мог в любое время суток раздобыть дозу желательной для меня в тот творческий период шмали или надёжных американских гондонов или просто поднести ведёрко со льдом.

Как всё разительно изменилось с того осеннего дня, когда он подобострастно попросил у меня автограф. С этого автографа и началось наше общение, можно даже сказать, дружба. Тогда никто и предположить не мог, что этот паренёк станет образом нации и постоянным спутником её лидера.

Я-то всегда верил в его актёрский успех, несмотря на то, что на съёмках этот идиот никогда не мог запомнить текст. Ведь и я приложил к этому руку, говорю без ложной скромности, с признанием частичной вины за содеянное. Но я и предположить не мог, что они с нами учудят. На первых порах эти поглощённые милитаризмом ряженные были комичны. Впрочем, не прими я во всё происходящем участия, это всё равно бы произошло в силу объективных исторических, политических, социальных, антропологических, антропо-географических первопричин и прочих факторов с мудрёными названиями. Не тяните меня за язык, я всё равно не смогу разяснить всего этого. Мне это безуспешно пытался растолковать один актёр из массовки, в прошлом профессор философии Кёнигсбергского университета, но я до конца всего так и не понял. Сам-то я, в силу профессии, человек не слишком образованный.

(Архив Студии документальных фильмов ГДР. Фрагменты интервью с режиссёром Карлом Фрицем. Двадцать лет спустя после съёмок киноальманаха «Он подарил евреям город».)

Мастеру стукнуло к тому времени 90, но он художественно сохранил ясность ума и твёрдость памяти. Почтенный старец был запечатлён на киноплёнку возле окна своей берлинской квартиры сидящим в кресле, в котором последние двадцать лет проводил большую часть свободного времени.

— Я знал Штефана с юности, разумеется, с его юности, — улыбнулся герр Фриц, — когда мы познакомились, я был уже зрелым кинооператором. Дело было на фронте. Начальство прикомандировало ко мне в качестве помощника солдата, у военных это называется вестовой. Этим порученцем и был рядовой Штефан Шустер. Он носил за мной камеру и коробки с плёнкой, оптику доверять ему я не рисковал. Можно сказать, что именно со встречи со мной ассистентом фронтового кинохроникёра он и начал свой путь в кинематографе.

Военные хроникёры подвиги совершают нечестно, скорее, мы — наблюдатели, создающие для будущих поколений свидетельства об ужасах войны. И уж совсем немислимо, чтобы подвиг кинохроникёра был бы запечатлён на киноплёнку, в случае со Штефаном это получилось: у него изначально были врождённые кинематографические способности.

В тот день я собрался запечатлеть фронтовой сюжет под названием «Возвращение разведчиков с боевого задания». Мы со Штефаном расположились с кинокамерой в предоставленном нам небольшом

окопе на передовой и ждали, когда в условленном месте отважные лазутчики выйдут к нашим позициям. Ждать их пришлось довольно долго; наконец показались трое. Они вышли из лесу и поспешно направились через поле по направлению к нам. Группа была уже неподалёку от линии проволочных заграждений, когда ее обнаружили французы, которые не преминули открыть прицельный огонь.

Ситуация осложнялась применением противником отравляющих газов, в тот день это был этилбромацетат, если мне не изменяет память. Клубы ядовитого вещества двигались в нашу сторону. И разведчики, и мы со Штефаном были вынуждены немедленно надеть противогазы.

И нам, и разведчикам было непросто — им совершать короткие перебежки, а мне еще и вести съёмку. Один из лазутчиков замешкался и был подстрелен. Раненый, он застыл, запутавшись в колючей проволоке. Положение его оказалось критическим.

Вот тут-то, под пулями, к нему бесстрашно бросился мой ассистент.

На сохранившемся куске киноплёнки видно, как к нелепо застывшему в колючках спирали Бруно человеку бросается боец и помогает раненому освободиться. Потом обе фигурки в противогазах бегут в сторону камеры и снова падают.

— Вот тот, слева, и есть Штефан. Это было его первое появление на экране. Поверьте мне, я помню произошедшее вполне отчётливо. «Человек в противогазе и есть Штефан Шустер», звучит закадровый голос. Поистине, это был мужественный поступок, в тот день Штефан Шустер вытащил раненого товарища по оружию, сам же получил достаточно серьёзное ранение, за что был награждён Железным крестом. Что же касается вашего нелепого утверждения, что спасённый Штефаном был Гитлер, это абсолютная чушь, я безоговорочно опровергаю такое нелепое измышление.

— Ну и что же, что ефрейтор? — раздражённо пожал плечами старец. — Разве Гитлер был единственным ефрейтором в нашей армии, кроме него не было других ефрейторов?! И потом, дело происходило в Арденнах, я-то уж точно помню, а Гитлер воевал на другом участке фронта, это всем известно.

В этот момент ведущий интервью журналист прервал съёмку и протянул собеседнику фотографию, которую принёс с собой. На чёрно-белом снимке Гитлер и Штефан Шустер улыбались, глядя друг на друга. У обоих был вид людей довольных как жизнью в целом, так и происходящим в конкретный момент. Видимо, фотография была сделана во время какого-то общественного мероприятия. Вокруг было

много людей. Один из присутствующих протягивал Гитлеру лист бумаги. Уточняющая надпись о времени и месте съёмки на фотографии отсутствовала

— Общеизвестно, что они были знакомы, и эта фотография лучшее тому подтверждение, — терпеливо подтвердил герр Фриц. — И что с того? Откуда эта странная фантазия, что ШШ спас Гитлера? Возможно, он сам это выдумал для смеха. Покойный любил приврать.

Штефан Шустер лежал на зеленой траве, увлечшись восхитительными воспоминаниями былых дней. Над ним в сиреновом муаре плыли перистокучевые облака, а вокруг был дивный германский мир, где толстые тетки, мелодично воркуя, общипывают гусей, а издали доносится ненавязчивый шум водяной мельницы и бесхитростная мелодия пастушьей свирели.

Я никогда не утверждал, что спас Гитлера, мысленно усмехнулся ШШ, всё это выдумали полукриминальные еврейские оборванцы из бригады строителей, которые дразнили меня в первые дни нашего общения. Они были убеждены, что мне не следовало сотрудничать с властями, и придумывали про меня всякие нелепые небылицы. Упоминаю это так, к слову...

С Гитлером мы познакомимся через несколько лет после окончания войны, на заре наших столь несхожих восхождений к вершинам профессий. К тому времени я имел в своём творческом багаже несколько эпизодических ролей, сделавших меня вполне узнаваемым у кинозрителей, и успешно дебютировал в качестве режиссёра. Я жил в Берлине и снимал квартиру у фрау Густавы. С квартирой и хозяйкой мне определённо повезло, о чем я ещё расскажу.

Гитлер же к тому времени успел отсидеть в тюрьме и по мере сил занимался политической деятельностью. Дела его шли ни шатко ни валко. Самые проникательные политологи того времени даже не подозревали, каких космических высот он вскоре достигнет.

Теперь в этом стыдно признаться, но при нашей первой, правильной сказать, единственной, встрече мы с Гитлером сразу же почувствовали взаимную симпатию. Кто же тогда мог знать, чем всё обернётся. Гитлер в то время производил весьма пристойное впечатление и не вызывал никакого отторжения. Странно, что я его сразу не раскусил, уж я-то должен разбираться в людях, ведь это часть профессии кинорежиссёра. Хотя, говоря по правде, это также часть профессии политиков, а они, политики, его, Гитлера, тоже не сразу распознали.

В одно свежее и прохладное осеннее утро, после замечательного завтрака я стоял на улице возле своего дома и курил. В то время эта привычка не вызывала всеобщего осуждения. Позже по инициативе Гитлера власти начнут предпринимать усилия по искоренению табакокурения, но это случится на несколько лет позже. Гитлер был убеждён, что табак есть месь злокозненных краснокожих белому человеку за алкоголь и колонизацию. Возможно, оно и так, но курить я так и не бросил, хотя Гитлер и прилагал к этому массу усилий. Надо быть объективным, он заботился о самочувствии нации и уделял много внимания здравоохранению.

Я с удовольствием сделал очередную затяжку, как вдруг из-за угла вышла и быстрой спортивной походкой прошла мимо меня девушка, лица которой я не успел разглядеть. На плече у незнакомки я с удивлением увидел висящий на ремне кофр кинокамеры «Аэроскоп».

У меня есть железное правило: когда ты смотришь вслед шагающей впереди незнакомке, изначально следует предполагать, что её лицо и грудь не хуже ног и задницы. Конечно, могут случаться и разочарования, но проверять необходимо всегда.

Силуэт, подкреплённый лёгким ароматом духов, был многообещающим, да и кинокамера меня заинтриговала. Девушка с кинокамерой на осенней берлинской улице: что может быть романтичнее и любопытнее? Я глянул на часы, отбросил окурочек и в приятном предвкушении неторопливо последовал за ней. Ж...а была хороша на загляденье, не отрываться.

Строго говоря, в тот день я пошёл за задницей и встретил Гитлера, а с большинством населения произошло почти так же, с той только разницей, что они попёрлись за Гитлером и в заднице оказались.

Шли мы так себе и шли по Айзенахерштрассе, где, кстати, висела афиша новой фильма с моей вполне себе узнаваемой физиономией. Это был «Синий призрак», в котором я играл швейцара в ночном кабаре. Небольшой, но искромётный эпизод.

Подходить и заводить беседу я не торопился — к чему излишняя суета? На углу Фуггерштрассе я увидел скопление людей, в котором и скрылась незнакомка.

Надо сказать, что в те времена в Берлине очень часто организовывались митинги, население стало весьма политизированным и социально ответственным. На каждом углу по любому поводу возникали многочисленные сборища. По старому доброму Берлину и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на манифестацию безработных, а таких было большинство, или на уличное собрание ветеранов войны, также без определённых видов деятельности, на худой конец,

демонстрацию протеста экологов, либо на одиночный пикет голого человека, держащего плакат: «Долой стыд», или плохо одетого человека с табличкой «Учение Маркса в жизнь», или ещё что-то подобное — несбыточное и эфемерное, на любой вкус.

Ни на одно из подобных мероприятий я до того дня, разумеется, не ходил, были у меня дела и поважнее, к тому же сборище незнакомых людей всегда вызывало у меня настороженность. Но в тот день я подумал: «Как хорош солнечный осенний день, листья берлинских каштанов уже покрылись золотом, а я так непростительно аполитичен. Полюбопытствую-ка, зачем собрались на площади мои соотечественники». — С этой мыслью я продолжил движение за незнакомкой. Люди вокруг были вежливы и обходительны, улыбаясь, они пропускали меня вперёд. Вскоре я оказался возле самой трибуны и увидел оратора, человека приятной внешности, говорившего с лёгким австрийским акцентом, очень убедительно, разумно и складно. Его дикция была выше всяких похвал, а вот жестикулировать, на мой скромный взгляд, можно было бы не столь экспансивно. О чём он говорил, я толком не понял, но людям определённо нравилось.

Девушка, за которой я шёл, уже успела вытащить из кофра киноаппарат и старательно вела съёмку происходящего. Когда я её разглядел, то сразу понял, что на митинг я припёрся не зря.

Спасибо, Гитлер! Вы уже догадались, что оратором был именно Гитлер, если бы не он, я мог бы и не повстречать любовь всей своей жизни. Повод для знакомства подвернулся как нельзя кстати, с этим мне всегда везло. Кинокамера с воздушным приводом забарахлила, что часто случалось в этих моделях, и юная нимфа кинематографа в растерянности прекратила съёмку. Несмотря на судорожные усилия, незнакомке не удалось устранить неполадку, такое часто случается с новичками.

На происходящее обратил внимание и оратор — он даже запнулся на какой-то из своих сентенций.

Гитлер вопросительно посмотрел на девушку с киноаппаратом, словно укоряя её за прерванную киносъёмку. Можно было подумать, что ещё секунда, и он оставит трибуну, чтобы по мере сил подсобить ей с аппаратурой. Однако он от этого воздержался.

«Боженька, пусть она починит свою камеру, меня ещё никто не снимал на киноплёнку, ну пожалуйста! Я так давно об этом мечтаю!» — мысленно взмолился Гитлер.

— Позвольте я вам помогу, — непринуждённо пришёл я на выручку. Взяв киноаппарат из её рук, я уверенно приспустил воздух, извлёк из кофра насос, несколькими небрежными движениями подкачал

привод и профессионально щёлкнул затвором, что было в общем-то излишне, но эффектно. — Эти камеры такие капризные, на будущее советую использовать «Аймо», — доверительно посоветовал я.

— Благодарю вас, — взглянув на меня, с интересом произнесла в недалёком будущем женщина всей моей жизни.

И хотя в романтических историях принято привирать, я этого делать не стану. Тот факт, что это и есть женщина всей моей жизни, я осознал не сразу, на это ушло какое-то время. Грациозным движением она приняла у меня из рук «Аэроскоп» и с увлечением продолжила снимать Гитлера. Гитлер же не преминул с благодарностью кивнуть мне. У него были повадки вполне интеллигентного человека, этого нельзя отрицать. Я не стал давать ей советы, хотя, по моему скромному разумению, можно было бы взять несколько иной ракурс. Не следует быть слишком активным при знакомстве, можно вспугнуть и испортить всё дело. Не произнося ни слова, я стоял рядом, любуясь её профилем, и прислушивался к рождающемуся во мне чувству.

Девушку с киноаппаратом звали Лорелей, она была начинающей кинематографисткой и, с присущим юности энтузиазмом, снимала свою дебютную киноновеллу о политической жизни Берлина.

В этот момент повествования было бы полезно продемонстрировать сохранившийся рекламный ролик 1927 года французской кинокамеры «Эклер» с остроумным слоганом: «Оставь насос — кинокамера не велосипед. Покупайте технику пружинного действия для профессионалов». В тридцатисекундном фильме поучительно разъясняются преимущества кинокамер нового поколения с механическим заводом перед устаревшими, с воздушным приводом.

— Штефан, ты ли это? — услышал я голос позади себя. Обернувшись, я увидел своего давнего приятеля Йохана Губерта.

Я утвердительно подмигнул. Йохан работал фоторепортёром в газете «Вести Берлина». За день до описываемых событий в коридоре издательства его встретил главный редактор герр Шульц и бросил на ходу: «Отмени свой выходной, твой коллега Роберт захворал, сходи завтра на митинг того субъекта, забыл его фамилию, дадим короткую заметку об этом новом движении». Так мой давнишний приятель Йохан оказался на митинге.

А Гитлер в этот момент закончил своё выступление и направился прямо в нашу сторону. Он был несказанно рад этой миловидной девушке с кинокамерой, потому что это был еще не тот Гитлер, к которому мы потом привыкнем, а вполне себе скромный

политик средней руки, еще не избалованный большим количеством кинокамер, фотоаппаратов и всяких репортёров. Гитлеру тех дней и одна маленькая кинокамера была в радость. Поэтому он подошел и вежливо поздоровался, а Йохан, который стоял неподалеку, воскликнул: «Газета «Вечерний Берлин»! С вашего позволения, я сделаю снимок! Политик и кинематографист!» — И он подтолкнул меня к Гитлеру. Йохан был неисправимый шутник и затейник. Я не горел особым желанием фотографироваться с кем попало, как-никак, к тому времени я был вполне себе уже почти известным актёром и, можно сказать, режиссёром. Но Гитлеру, как и любому начинающему политику, идея пришлась по душе.

Гитлер пожал Штефану руку, положил ладонь ему на плечо и посмотрел в глаза, а Штефан доброжелательно и бесхитростно заглянул в глаза Гитлеру. Но этого Штефану показалось недостаточным, он решил подыграть своему приятелю Йохану, и неожиданно для себя троекратно поцеловал Гитлера. А Йохан не преминул запечатлеть этот момент на фотоплёнке. В будущем этот снимок очень пригодился Штефану, да и самого Гитлера фотография вскоре навела на определённые мысли.

При знакомстве с женщиной очень полезно для налаживания отношений, чтобы у вас взяли автограф. На женскую психику это производит сногшибательное впечатление. Поэтому я был несказанно признателен рослому детине, который вдруг, словно по заказу, материализовался возле нас и попросил у меня автограф. Незнакомцем этим был безработный Ганс Шметерлинг. Впоследствии он утверждал, что мы встречались на съёмках картины «Львы Колизея» и были знакомы давно. Я его не помнил, но сейчас его появление было весьма кстати. Для автографа он протянул мне листовку, на которой было напечатано: «Приходите на мой митинг! Гитлер», также были указаны дата и время мероприятия. На оборотной стороне того листка я и расписался. Не могу не упомянуть о забавной детали. Гитлер решил, что автограф хотят взять у него, а не у меня. Наивный. Гитлер даже слегка покраснел от возникшей неловкости. Но я разрядил обстановку, непринуждённо пошутив: «У каждого времени свои кумиры». Провидческая вышла фразочка!

Это был прекрасный день, когда я впервые увидел Гитлера.

(Пригород Тель-Авива. Двадцать пять лет спустя после съёмок киноальманаха «Он подарил евреям город».)

Бобины магнитофона крутились, плавно перематывая коричневую аудиоплётку, на которую Ганс

Шметерлинг старательно надиктовал свои воспоминания.

Израильтяне, после того как отловили его в Южной Америке, обращались с ним сравнительно неплохо. Комната для допросов была вполне комфортна, хотя кондиционер не помешал бы.

Это был паршивый день, когда я впервые увидел Гитлера. Надежда покинула меня окончательно. Я возвращался после очередного кастинга, не помню уже как назывался тот фильм, в котором мне не удалось получить роль. Чертовски хотелось работать, я был согласен тогда на любой, самый неприметный эпизод. Но мне не удавалось заполучить даже крошечную роль. Они мотивировали это тем, что я не мог запомнить текст. Любой. Например: «Из-за окрестности призывно пахло хризантемами», или «Леопарды протяжно выли на луну», или «Бриллианты могли бы быть покрупнее, не то что это говно...» — у меня не получалось, и всё, хоть тресни. Я безукоризненно помнил текст до момента включения камеры, но стоило раздаться команде «Мотор», всё вызубренное моментально стиралось из памяти! Неудача за неудачей, отказ за отказом, несмотря на мои внешние данные. Ну вы понимаете, о чём я... Даже теперь после стольких пластических операций моя внешность производит впечатление, не правда ли? А тогда я мог сниматься только в массовке, этим и зарабатывал себе на хлеб. Я всегда старался держаться поближе к кинокамере, но до того дня все попытки были бессмысленны. С Гитлером мои дела пошли лучше, возможно, это было простым совпадением, но свою главную роль я получил именно благодаря ему.

Кстати, сейчас в это трудно поверить, но Гитлер говорил вполне здравые вещи, с ним трудно было не согласиться. Например, о безработице, о засилье во власти спекулянтов и финансовых аферистов... Но главное было не в этом. С того дня, когда я впервые увидел Гитлера, меня не покидало ощущение, что я буду сниматься в кино. В тот день я познакомился со Штефаном Шустером, и он был первым, кто осознал, что мне вовсе не обязательно запоминать текст. Роли, принёсшие мне славу, были без слов! Последний осколок великого немого. Вы будете смеяться, — доверительно поведал Шметерлинг, — но в тот день, я попросил автограф не у Гитлера, а именно у ШШ.

Никто из присутствующих на допросе даже не улыбнулся. Лента на бобине закончилась, и пришлось сделать короткий перерыв, чтобы её сменить.

В тот день, потерявший всякую надежду безработный актёр Ганс Шметерлинг и не думал идти на нацистский митинг, он просто проходил мимо, заметил возле Гитлера кинокамеру и произволь-

но двинулся в её сторону. Стремление быть поближе к кинообъективу к тому времени сделалось его инстинктом. Но до того знаменательного дня все предпринимаемые им попытки оказывались бессмысленными.

Шметерлинг всегда старался наладить нужные связи, в этом он был мастер, потому-то он заискивающе и попросил автограф у едва известного актёра, с которым в тот момент фотографировался неизвестный ему политик. Для этого проныры автограф был удачным поводом завязать знакомство. В кино связи решают многое. Сам Штефан был явно польщён, он поставил роспись на агитационном листке Гитлера, а когда после митинга Шметерлинг вызвался понести киноаппарат его новой знакомой, тот не стал возражать.

Это был прекрасный осенний день, трое кинематографистов шли по Берлину, перед ними был великий город, а позади Гитлер, которого только что запечатлели на киноплёнке.

Как показали многочисленные исследования, проведённые в немецких киноархивах, тот Гитлер был первым Гитлером, сохранившимся на киноплёнке. Это исторический факт. Плёнка в те времена была огнеопасной, она моментально вспыхивала от малейшей искры. Позже, в конце 50-х, изобрели негорючую плёнку, а потом в девяностых годах стали переходить на цифровые носители, но это будет много позже того, как Штефана Шустера сожгут. Та плёнка с Гитлером оказалась горючей по-настоящему.

В Берлинской государственной библиотеке на площади Бебеля мы можем отыскать старый номер газеты «Вечерний Берлин» и увидеть ту самую фотографию. Поцелуй на снимке не был запечатлён, только рукопожатие, взгляд, ладонь на плече и надпись: «Молодой политик приветствует известного кинодеятеля, ветерана войны». На втором плане фотокарточки можно рассмотреть Шметерлинга, который держит в вытянутой руке листовку Гитлера.

На лацкане пиджака Штефана Шустера хорошо видна награда, которую он получил на фронте. На том Железном кресте были выгравированы инициалы Вильгельма II и дубовая ветвь. «Золото для защиты, железо для чести» — гласит девиз этого ордена.

Через несколько лет Гитлер добавит на крест свастику, буддийский символ бесконечности, что придаст старой награде новый, эзотерический смысл. Гитлер был человеком разносторонним и интересовался восточными обычаями и верованиями.

На следующий день после того случая Гитлер пришёл в пивной ресторан, где он был завсегдатаем.

У него была назначена встреча с его соратниками Карлом и Мариусом. Они-то и принесли на ланч газету с фотографией Йохана. Эти двое весьма аккуратно собирали для Гитлера то, что сегодня называется портфолио. В те годы оно представляло собой весьма скромный список публикаций и упоминаний в прессе. Если бы человеку показали фотогалерею Гитлера того времени, он бы ни капельки не испугался и ни за что не поверил бы в то, что перед ним будущий планетарный душегуб и воплощение всемирного зла. Гитлер выглядел вполне пристойно. И одевался он со вкусом, костюмы были из магазина готового платья, но смотрелись достойно и вполне rispetабельно: художник, прошедший через невзгоды войны и пришедший в политику по зову сердца, в тревоге за будущее своей страны.

Определённый интерес для нашего повествования представляют ранние фотографии Гитлера, где он частенько снимался на фоне киноафиш. Гитлер любил кино, внимательно следил за киноновинками и был в курсе тенденций мирового кинематографа. В тот день, кстати, он сидел за столиком на фоне афиши «Капитанской дочке», снятой по произведениям русского поэта Александра Пушкина.

Карл и Мариус заказали себе по шницелю, а Гитлеру принесли овощной салат и картофельные котлеты. Ему очень хотелось шницеля, но он себя переборол, потому что объявил себя вегетарианцем и не мог позволить себе отойти от образа. У Гитлера была сильная воля, потому-то он и добивался поставленных целей и сделал завидную политическую карьеру.

— До вчерашнего дня меня не снимали на киноплёнку, только на фотокарточки, да и то, на мой взгляд, неудачно, — укоризненно заметил Гитлер.

— Творческая интеллигенция, все эти киношники, не разделяет наши взгляды, — пожал плечами Карл.

— Тем более мы должны обратить внимание на кинематограф, — сказал Гитлер, — как говорил Ленин: «Кино воздействует на массы».

— Как и цирк, — уточнил Карл ленинскую цитату.

— Короткометражный фильм-портрет о молодом политике-патриоте? — высказал предложение Мариус, который считался специалистом по PR-вопросам в компании Гитлера.

— Позволит ли это наш бюджет? — с тревогой спросил Карл.

— Это может быть недорогой фильм, — примирительно заметил Гитлер.

В своих потаённых мечтах Гитлер видел себя на киноэкране за мольбертом или на открытии своей персональной выставки в Париже. Но с возрастом

он с горечью осознал, что как художник не представляет особого интереса для человечества. Гитлер был реалистом и понимал, что мечта его несбыточна. А сниматься в кино ему всё равно очень хотелось.

— Надо бы выяснить, кто эта милостивая фройляйн с киноаппаратом и её дельный помощник, — подумал он вслух.

(Сохранившийся фрагмент киноальманаха «Он подарил евреям город».)

В небольшой берлинской квартире находились двое — мужчина и женщина, муж и жена, с виду и не евреи вовсе, а вполне себе приличные люди.

— Как ты думаешь, дорогая, не следует ли нам уехать? — поинтересовался актер.

— Куда, дорогой? — подала свою реплику актриса.

— Разумеется, в концлагерь, дорогая. В концлагере замечательно... Мы могли бы обрести свою утраченную национальную идентичность, — уточнил мужчина.

— Возможно, в твоих словах и есть резон, — сделала положенную паузу, ответила партнёрша, — в городе сделалось беспокойно, хулиганы бьют витрины, население расхотело покупать товары в наших магазинах, а правительству непросто обеспечить нашу безопасность, несмотря на все усилия.

— У правительства и без нас забот полон рот, сложная международная обстановка и с экономикой ой как непросто, — дал необходимое пояснение партнёр.

— Когда уже мы уедем на Мадагаскар? — вопрошает героиня.

Нагретый воздух опускался в ложбинах волнистых облаков, образуя просветы ярко-голубого неба. Штефану вспомнилась начальная сцена его картины.

— Как-то так, далее по тексту в том же духе. «СВВ» (Could be better — могло быть и лучше — на английском. В то время я немного подучил язык, надеясь на скорый переезд в Голливуд, которому не суждено было осуществиться).

Диалоги ни к чёрту не годились, но тут я ничего не мог поделать, текст утверждался на самом верху. В реальности дело обстояло несколько иначе, переселение проходило принудительно, но в кино всегда есть место вымыслу.

И вот эти два безмозглых красавца едут в концлагерь, и тут — сюрприз-сюрприз — выясняется, что в концлагере не так уж и плохо. Плюс-минус лагерь бойскаутов, ну, типа того. Имеются клуб с кинозалом, столовая, мастерские, синагога и даже национальная газета. Правда, не все новоприбывшие мо-